

КОНФЛИКТЫ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОММЕМОРАТИВНЫХ ПРАКТИКАХ И ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЕ ПАМЯТИ

Г. В. Горнова

Омский государственный педагогический университет, Россия
gornovagv@yandex.ru

**Статья подготовлена в рамках исполнения проекта
«Городская идентичность: антиномичность миграционных установок
горожан (на материале города Омска)» при поддержке Российского
фонда фундаментальных исследований (проект 18-411-550008 p_a)**

В статье исследуются конфликты идентичности и их представленность в городской культуре памяти. Концепция идентичности используется для анализа последствий гражданских войн. Историческая идентичность города подкрепляет позитивную городскую идентичность горожанина. Отмечается, что репрессивный тип мемориальной культуры приводит к формированию негативной городской идентичности, поскольку для идентификационных процессов личности необходима возможность свободного ценностного выбора. Пространство города выступает «материальным вместилищем» травматических переживаний. Ставится вопрос о несформированности общественного запроса на адекватную времени мемориальную культуру. Высказывается предположение о том, что ценностные конфликты крайне болезненны для личностной идентичности. Подчёркивается травматичность дискурса коллективной памяти о гражданской войне. Представлены примеры символических коммеморативных практик гражданского примирения.

Ключевые слова: город, городская идентичность, конфликтность городской идентичности, мемориальная культура, коммеморативные практики.

IDENTITY CONFLICTS IN COMMEMORATIVE PRACTICES AND URBAN MEMORY CULTURE

Galina Gornova

Omsk State Pedagogical University, Russia
gornovagv@yandex.ru

**The study was funded by Russian Foundation for Basic Research
(project number 18-411-550008 p_a)**

The article explores identity conflicts and their representation in the urban culture of memory. The concept of identity is used to analyze the consequences of civil wars. The

historical identity of the city reinforces the positive urban identity of the city dweller. It is noted that the repressive type of memorial culture leads to the formation of a negative urban identity, since the possibility of free value choice is necessary for personality identification processes. The space of the city acts as a “material container” of traumatic experiences. The question is raised about the lack of formation of a public request for an adequate memorial culture. It has been suggested that value conflicts are extremely painful for personal identity. The traumatic nature of the discourse of the collective memory of the civil war is emphasized. Examples of symbolic commemorative practices of civil reconciliation are presented.

Keywords: city, city identity, conflict of city identity, memorial culture, commemorative practices.

Гражданские войны в общественном сознании никогда не заканчиваются. В их основе – идеологический антагонизм, а ценностные конфликты, как правило, не могут быть разрешены до конца, так как затрагивают смыслообразующие аспекты личности.

Гражданские войны начинаются в момент кризисов, после революций, социально-политических потрясений, когда до крайности обостряются социальные, политические, экономические, этнические, идеологические противоречия. Заканчиваются гражданские войны силовым подавлением проигравшей стороны, репрессией побеждённых. Однако силовой метод завершения конфликта его не разрешает, противоречия продолжают существовать ещё долгое время. В 1913 году, спустя 50 лет после битвы при Геттисберге, самого тяжёлого сражения Гражданской войны в США, состоялось примирение конфедератов и северян (*ил. 1*), но серьёзные мировоззренческие разногласия между Севером и Югом сохраняются до сих пор.

Э. Хиронака предлагает исследовать причины гражданских войн в рамках социологического неинституционального подхода и заостряет внимание прежде всего на структурных объяснениях тяжести и длительности гражданской войны, по сути, прибегая к методологии политического конструктивизма [Хиронака 2005, 149]. В своей достаточно полемичной книге «Бесконечные войны» Хиронака крайне отрицательно отзываясь о возможности объяснения причин гражданских войн в рамках разного рода концепций идентичности, утверждая, что концепция конфликта на основе идентичности стала настолько широкой, что потеряла свою полезность в качестве аналитической категории, что почти невозможно представить себе конфликт, в котором в том или ином виде не затрагивалась бы коллективная идентичность, поэтому нельзя вычленить отличительные признаки конфликтов, основанных на идентичности [Хиронака 2005, 89–90]. Прежде всего в этой монографии затрагиваются этнические конфликты и этническая идентичность, так как этнические конфликты и гражданские войны – одни из самых кровопролитных, но свои выводы автор распространяет на разные виды идентичности: личностную, социальную, культурную, политическую (либеральную или консервативную) и пр.

Ил. 1. Геттисберг, 1913 год

Вывод Хиронаки выдержан в логике неинституционализма: в структурно сильных государствах, т. е. в государствах с эффективно работающими социальными институтами, продолжительность гражданских войн короче, так как сильное государство прилагает усилия для разрешения противоречий и на постконфликтной стадии развития конфликта. Эти усилия государства (и общества) мы как раз и можем видеть на приведённой выше фотографии ветеранов Гражданской войны в США, пожимающих друг другу руки. В структурно слабых государствах гражданские войны длительнее, отличаются прерывистым характером – завершаются и вспыхивают вновь, как это происходило, например, в Либерии, Анголе, Судане, Шри-Ланке и т. д. [Hironaka 2005, 150–151].

Возможно, концепция идентичности оказывается «неработающей» в аналитике гражданских войн, но можно предположить наличие у неё объяснительного потенциала для тех общественных явлений, причиной которых как раз и явились гражданские войны, и использовать эту объяснительную модель для исследования конфликтов, актуально существующих в культуре памяти города. Обширный материал для анализа нам предоставляет мемориальная культура и коммеморативные практики современной российской действительности, осмысляемые в том числе и на уровне городской идентичности.

Спустя полвека, и даже спустя век после Гражданской войны, в 70-е годы XX века и в 20-е годы века XXI в России не было предпринято значимых усилий на государственном уровне по осмыслению глобального для страны мировоззренческого конфликта, хотя общественный запрос был достаточно сильным; не было и попыток примирения, подобных приведённому выше примеру. В Советском Союзе избирательно-идеологизированное отношение к истории последовательно превращало культуру памяти в культуру забвения. Помнить следовало только то, что соответствовало коммунистической идеологии и подкрепляло её, однако «навязанная память» может суще-

ствовать только в условиях поддерживающей её государственной политики [Вибе 2017, 12].

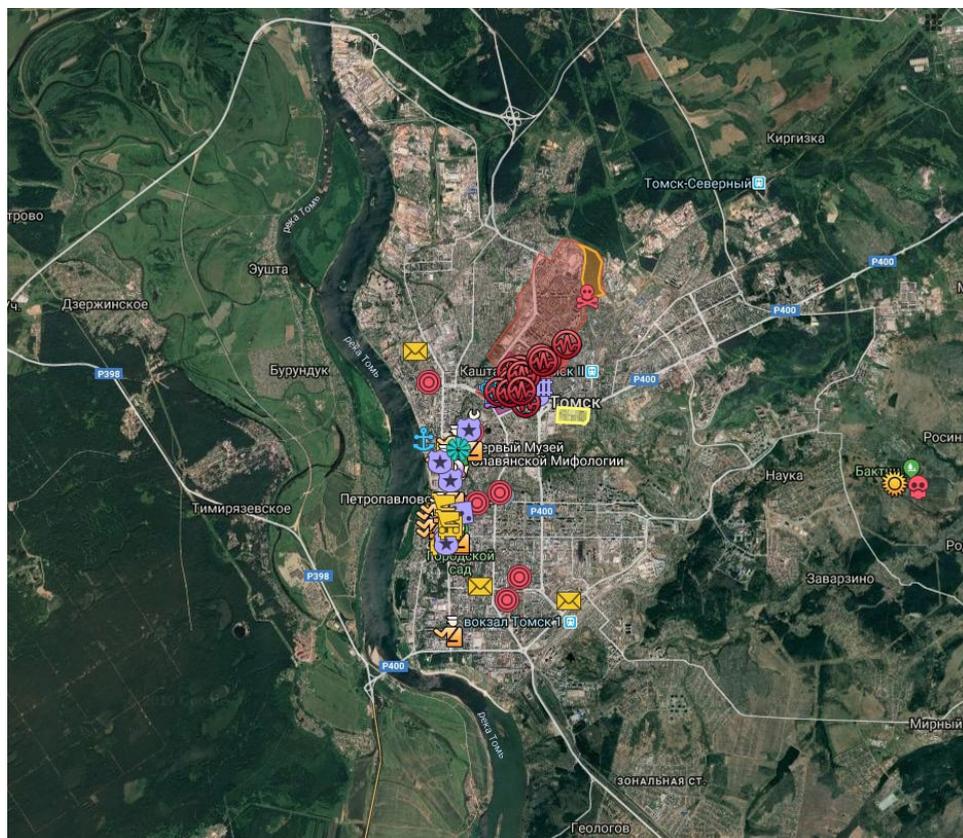
Идентичность города имеет социальное, человеческое, физическое, культурное, политическое и экономическое измерение. Идентичность города – это та особенность, которая отличает один город от другого. Эти различия и непохожесть, индивидуальность вызывают стойкую привязанность горожан к своему городу, порождают чувство гордости за него. Историческая идентичность города сохраняет дух города, даёт почувствовать его жизненную силу, поддерживает связь между гражданами, местами и пространством [Zadbagher-Seighalani et al. 2018, 69]. Можно предположить, что историческая идентичность города, его уникальность и тождественность самому себе формирует *позитивную* городскую идентичность.

«Навязанная память» нивелирует различия, делает все города похожими друг на друга; сложно любить то, что утратило индивидуальность. Городская идентичность личности складывается в результате ценностного выбора: человек пытается найти себя в пространстве города и в его истории, выбрать те фрагменты коллективной памяти, с которыми он может себя соотносить. Отсутствие возможности выбора обедняет экзистенциальную парадигму города, приводит к формированию *негативной* городской идентичности.

Городская культура памяти является зримым подтверждением того, что мировоззренческие противоречия не канули в прошлое – не стали общим прошлым для всего народа, прошлым, которое мы принимаем, разделяем, помним, не хотим повторить. «Гражданская война в России продолжается и в наши дни на полях коллективной памяти» [Вибе 2017, 6]. Эти противоречия по-прежнему раскалывают общество; в пространстве города они отражаются в «войне памятников», в «полемике мемориальных досок», в антагонистических и крайне неполицорректных высказываниях комментаторов новостей в социальных медиа при обсуждении вопроса об увековечивании памяти того или иного видного исторического деятеля. Мемориальные доски адмиралу Колчаку, к примеру, накануне столетия революции устанавливали в Санкт-Петербурге, Омске, Екатеринбурге, Владивостоке. Спустя непродолжительное время в Санкт-Петербурге и Екатеринбурге доски были демонтированы, в других городах периодически требуют их демонтировать, раскалывают, заливают краской и т. д. Ещё более яростная общественная полемика разворачивалась вокруг установленных и не установленных памятников Колчаку, причём и памятные доски, и сами памятники оформляются в виде эвфемизмов – чтят память полярного исследователя, учёного-океанографа, флотоводца, а не лидера Белого движения, хотя помнят адмирала Колчака именно как Верховного Правителя России. Ценностный конфликт оказывает влияние на личностные идентификационные процессы. Большой пласт коллективной памяти оказался искусственно вытесненным, и сейчас также есть сопротивление его возвращению.

В психоанализе одним из основных положений является представление о том, что такой фундаментальный защитный механизм психики, как подавление (вытеснение, репрессия), приводит к неврозам, психосоматическим заболеваниям и ряду других расстройств. Невроз в современной трактовке прежде всего понимается как расстройство адаптации. Как это нарушение

адаптации проявляется в культуре? Возможно, в искажении идентификационных процессов личности. Но подавление воспоминаний в культуре не происходит само собой, репрессивный тип культуры сам по себе вторичен по отношению к массовым политическим репрессиям 20–50-х гг. прошлого века.

Ил. 2. Карта событий расследования КАРАГОДИНА.

В обществе есть отчётливо артикулированный, но, к сожалению, далеко не массовый запрос на возвращение памяти. При этом в XXI веке складываются совершенно новые коммеморативные практики. Ярчайшей иллюстрацией этому может служить проект «Расследование КАРАГОДИНА», инициированный потомками крестьянина Степана Ивановича Карагодина, родившегося в 1881 году, арестованного по так называемому «Харбинскому делу», в ходе которого были репрессированы почти 9 тысяч человек, и расстрелянного сотрудниками НКВД в Томской тюрьме № 3 тюремного отдела УНКВД по НСО ЗСК СССР на Каштановой горе в городе Томске в 1938 году; в эту же ночь были расстреляны ещё 87 человек [Карагодин 2019]. Выпускник философского факультета Томского государственного университета Денис Карагодин в 2012 году поставил перед собой цель: узнать, как погиб его прадед. Кропотливый сбор архивных документов, многочислен-

ные запросы в органы ФСБ позволили найти всех причастных к гибели прадеда и даже непосредственных исполнителей приговора. Масштаб вскрытых расследованием беззаконий, факты, документы ужасают. Трагическая судьба одного человека, попавшего в жернова репрессий, показывает систему уничтожения людей и стирания памяти. В рамках городских исследований культуры памяти производит сильное впечатление конкретика, «вещественность», реалистичность «мест памяти» – сама топография Томска сохраняет скорбные маршруты. После изучения материалов расследования современный город совершенно неожиданно с потрясающей обыденностью раскрывает своё прошлое, показывает, как бок о бок в его домах жили палачи и жертвы, как теперь по его улицам ходят их потомки, зачастую не зная, чьи они дети... (ил. 2).

Почему никак не формируется запрос на возвращение памяти: истории своего рода, истории своего города, без купюр и умолчаний, – той духовной системы координат, в которую мы можем вписать себя сегодняшнего и осмыслить не только свою связь с городом, свою городскую идентичность, общность судьбы своей и города, но и благодаря этому пережить ощущение правильности своей судьбы, её не замкнутости, а открытости – из прошлого в будущее? Можно предположить, что сама природа ценностных конфликтов, их обращённость к предельным основаниям бытия человека и общества, подспудная иррациональность аргументации, идеологическая неприемлемость, порождающая раскол в обществе, болезненно затрагивает нашу идентичность, ставит сложную задачу сосуществования с другими при всех ценностных разногласиях, не отказываясь от своих убеждений.

Коллективная память о трагических моментах истории существует в логике триумфа или травмы. Но в отличие от отечественных войн, гражданские войны и их последствия всё-таки сохраняются в мемориальной культуре в травматическом дискурсе. Сложно представить растиражированные высказывания массовой культуры «Можем повторить!», «На Берлин!» и т. д., обращённые к гражданам своей страны и жителям своего города. Сама травматичность переживаний останавливает эти необдуманные высказывания.

Примирение ветеранов Гражданской войны в США в 1913 году не решило проблему и не могло её решить по определению, не привело к завершению ценностного конфликта идентичности. В 2015–2017 годах процесс самовольного сноса и административно оформленного переноса памятников конфедератам, в том числе демонтаж памятника генералу армии конфедератов Роберта Ли в мае 2017 года в Новом Орлеане, опять расколол общество, вызвал не только дискуссии, митинги, но и столкновения с человеческими жертвами [Yancey-Bragg, Stanglin 2017], но сила символического жеста 1913 года показала саму возможность примирения.

Подобный символический жест спустя 100 лет был сделан и в России. В ноябре 2016 года в Томске состоялся обмен письмами. Денису Карагодину написала внучка Н. Зырянова, одного из членов расстрельной команды; она не знала, кем был её дед на самом деле. Правда повергла её в шок, в её семье тоже были репрессированные, оказалось – в одной семье есть и жертвы, и палачи. Умом понимая, что не виновата в произошедшем, Юлия попро-

сила прощения. Тронутый этим искренним и неожиданным письмом, Карагодин предложил «обнулить ситуацию» и закончить с этой бесконечной гражданской войной. Внучка палача и правнук убитого заключили акт гражданского согласия и примирения [Карагодин 2016].

Представляется, что в этих символических коммеморативных практиках важны два основных момента. Во-первых, они осуществляются людьми, лично вовлечёнными в драматическую ситуацию: одни – непосредственные активные участники событий, вторые – заново проживающие трагичные судьбы своих семей. Во-вторых, в этих практиках заложена возможность разрешения ценностных конфликтов. И крайне важно осознать потенциал городской культуры памяти в разрешении конфликтов идентичности: город, соединяя прошлое и будущее, позволяет нам осознанно делать свои выборы в настоящем.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Вибе 2017 – *Вибе П. П.* Монументальная коммеморация событий Революции и Гражданской войны в России: путь к примирению или расколу // Четвёртые Ядринцевские чтения / Под ред. П. П. Вибе. Омск, 2017. С. 5–16.
- Карагодин 2016 – *Карагодин Д. В.* Расследование КАРАГОДИНА. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://karagodin.org/?page_id=9069 (дата обращения: 10.09.2019).
- Hironaka 2005 – *Hironaka A.* Neverending Wars: The International Community, Weak States, and the Perpetuation of Civil War. Cambridge (MA), London, 2005.
- Yancey-Bragg, Stanglin 2017 – *Yancey-Bragg N., Stanglin D.* New protests, debate erupt over calls to remove Confederate monuments and symbols // USA TODAY. 2017. August, 16. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.usatoday.com/story/news/2017/08/16/new-protests-debate-erupt-over-calls-remove-confederate-monuments-and-symbols/572136001/> (дата обращения: 09.09.2019).
- Zadbagher-Seighalani et al. 2018 – *Zadbagher-Seighalani E., Yaghoubzadeh S., Ostad-Ali-Askari K., Eslamian S., Singh V. P., Dalezios N. R., Ghane M.* Organizing the Texture by Approach of Preserving the Historical Identity of the City, Case Study: The Historical City, Region of Isfahan Province, Iran // *Annals of Ecology and Environmental Science*. 2018. Vol. 2 (2). P. 68–75.

REFERENCES

- Vibe 2017 – *Vibe P. P.* Monumental Commemoration of the Events of the Revolution and the Civil War in Russia: The Path to Reconciliation or Schism. *Fourth Yadrintsev Readings*. Ed. by P. P. Vibe. Omsk, 2017. P. 5–16. In Russian.
- Karagodin 2016 – *Karagodin D. V.* Investigation of KARAGODIN. URL: https://karagodin.org/?page_id=9069. In Russian.
- Hironaka 2005 – *Hironaka A.* Neverending Wars: The International Community, Weak States, and the Perpetuation of Civil War. Cambridge (MA), London, 2005.
- Yancey-Bragg, Stanglin 2017 – *Yancey-Bragg N., Stanglin D.* New Protests, Debate Erupt over Calls to Remove Confederate Monuments and Symbols. *USA TODAY*. 2017. August, 16. URL: <https://www.usatoday.com/story/news/2017/08/16/new-protests-debate-erupt-over-calls-remove-confederate-monuments-and-symbols/572136001/>

Zadbagher-Seighalani et al. 2018 – Zadbagher-Seighalani E., Yaghoubzadeh S., Ostad-Ali-Askari K., Eslamian S., Singh V. P., Dalezios N. R., Ghane M. Organizing the Texture by Approach of Preserving the Historical Identity of the City, Case Study: The Historical City, Region of Isfahan Province, Iran. *Annals of Ecology and Environmental Science*. 2018, Vol. 2 (2). P. 68–75.

Галина Владимировна Горнова

Омский государственный педагогический университет, Россия.

Доктор философских наук,
профессор кафедры философии.

E-mail: gornovagv@yandex.ru

Galina V. Gornova

Omsk State Pedagogical University, Russia.

Doctor of Philosophy, Professor of Philosophy Department.

E-mail: gornovagv@yandex.ru